

1902.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
ЭРНЕСТА РЕНАНА

ВЪ ДВѢНАДЦАТИ ТОМАХЪ.

Съ портретомъ автора и очеркомъ его жизни и дѣятельности.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО
подъ редакціей В. Н. МИХАЙЛОВА.

ТОМЪ I.

Издание Б. К. ФУКСА.
КІЕВЪ.

Дозволено Цензурою. Москва, 30 Января 1902 года.

2004175494

ЭРНЕСТЪ РЕНАНЪ.

Жозефъ-Эрнестъ Ренанъ родился въ 1823 г. 27-го февраля въ Трегье, глухомъ мѣстечкѣ Бретани, населеніе котораго, несмотря на тысячелѣтнее вліяніе христіанства, сохранило языческій культъ въ формѣ народныхъ преданій, легендъ и суевѣрія. Обстановка, окружавшая дѣтство Ренана, отличалась необыкновенной фантастичностью. Окрестности мѣстечка носили религіозный и идеальный характеръ. Всюду были разсыяны часовни въ честь мѣстныхъ святыхъ, не признаваемыхъ церковью, но особенно чтимыхъ въ народѣ; о каждомъ изъ нихъ слагались цѣлыя легенды, которыя съ наивною вѣрой передавались изъ устъ въ уста, отъ одного поколѣнія къ другому. Легенды эти производили сильное впечатлѣніе на дѣтское воображеніе Ренана. Часовни, построенныя среди дикихъ скалъ и земляныхъ валовъ, привлекали его возбужденное дѣтское любопытство; онъ со страхомъ разсматривалъ сквозь полуотворенную дверь внутренность часовни и вдругъ обращался въ бѣгство, точно преслѣдуемый какими то невѣдомыми духами.—Предки Ренана со стороны отца въ теченіе многихъ вѣковъ жили въ ущеліи Ледано. Они вели скромное существованіе, занимаясь земледѣліемъ и рыболовствомъ, и въ этой скромной обстановкѣ приобрѣли запасъ идей, доставшійся въ наслѣдство Эрнесту Ренану. „Я чувствую, говоритъ онъ, что я думаю за нихъ и что они живутъ во мнѣ“.—Отецъ его былъ отважнымъ морякомъ; онъ участвовалъ въ походѣ противъ англичанъ и былъ взятъ въ плѣнъ, послѣ чего нѣсколько лѣтъ долженъ былъ провести на понтонахъ; какъ морякъ, онъ былъ мало привязанъ къ семьѣ. На Эрнеста Ренана онъ не оказалъ почти никакого вліянія, отчасти потому, что ко времени рожденія Эрнеста характеръ его сдѣлался замкнутымъ, отчасти же потому, что умеръ, когда Ренанъ былъ еще ребенкомъ. Мать Ренана, гасконка по происхожденію, бретонка по воспитанію, воплотила въ себѣ жизнерадостность своего племени съ религіознымъ влеченіемъ бретонцевъ; она оказала громадное вліяніе на сына, съ которымъ находилась въ постоянномъ духовномъ общеніи до конца дней своихъ. Ея замѣчательное умѣнье рассказывать народные легенды развило въ Ренанѣ способность такъ глубоко проникать въ прошлыя эпохи. „... эта странная среда“, говоритъ Ренанъ, „дала мнѣ тѣ

свойства, необходимы для исторических трудов, которые у меня есть. Я усвоил своего рода привычку видѣть подъ землей и различать шумъ, не замѣтный для ушей другихъ людей. Вѣдь сущность критики въ томъ, чтобы понимать состоянія, во многомъ отличающіяся отъ нашего“. Этимъ свойствомъ, въ которомъ нельзя отказать Ренану, онъ обязанъ отчасти странной обстановкѣ, окружавшей его дѣтство, но главнымъ образомъ—матери, научившей его вглядываться въ даль прошлаго.

Вначалѣ Ренанъ учился дома; потомъ его отдали въ маленькую духовную семинарію при монастырѣ въ Трегье, гдѣ воспитывались тогда всѣ молодые бретонцы. Въ ту пору все образованіе въ Бретани находилось въ рукахъ духовенства, отличавшагося крайней скудостью умственного развитія и крайнимъ невѣжествомъ. О наукѣ въ семинаріи не могло быть и рѣчи. Естественныя науки просто не признавались, а французская литература преподавалась только до „Религіи“, поэмы Расина. „Имя Ламартина произносилось только въ насмѣшку; существованіе Виктора Гюго было совсѣмъ неизвѣстно“. Все новое въ литературѣ изгонялось безпощадно, и вообще духовные воспитатели старались скрыть отъ своихъ воспитанниковъ все, что касалось свѣтскаго, грѣховнаго міра со всѣми его тревоженіями. „Писаніе французскихъ стиховъ считалось самымъ опаснымъ упражненіемъ, которое могло повлечь за собой исключеніе“. Понятно, что при такихъ условіяхъ умственное убожество воспитателей передавалось воспитанникамъ, и умъ ихъ оставался дѣтски неразвитымъ съ предрасположеніемъ къ слѣпой, рабской вѣрѣ. Не смотря однако на эти отрицательныя черты, духовные отцы много способствовали нравственному развитію юношей своей чистой безупречной жизнью, искреннимъ и сердечнымъ отношеніемъ къ нимъ и, хотя слѣпой, но возвышенной и безкорыстной вѣрой. Эти качества располагали къ нимъ учениковъ настолько, что, много лѣтъ спустя, разочарованный и скептически настроенный Ренанъ съ любовью вспоминаетъ о своихъ первыхъ воспитателяхъ и придаетъ большое благотворное значеніе тому благотворному вліянію, которое онъ вынесъ изъ семинаріи: „Мои учителя убѣдили меня въ двухъ абсолютныхъ истинахъ: во-первыхъ, всякій уважающій себя человѣкъ можетъ служить только идеальному дѣлу, а все остальное—второстепенно, ничтожно, почти постыдно, *ignominia seculi* во-вторыхъ, христіанство—это резюме всего идеальнаго...“ И дѣйствительно, Ренанъ вынесъ изъ этой школы стремленіе къ идеалу, которое не покидало его всю его жизнь, руководило всѣми его дѣйствіями. Первой формой, въ которую вылились его идеальныя стремленія, была внушенная клерикальнымъ воспитаніемъ мысль посвятить себя служенію Богу и церкви.

Въ 1838 году Ренанъ окончилъ семинарію въ Трегье и „получивши всѣ награды въ своемъ классѣ“, за успѣхи и прилежаніе его отправили для дальнѣйшаго образованія въ Парижъ, въ семинарію Св. Николая. Съ грустью и тоской покидалъ Ренанъ родныя мѣста. Въ Парижѣ онъ увидѣлъ столько новаго и неожиданнаго, какъ будто былъ грубо заброшенъ изъ родной Франціи въ Таити или Тимбукту.